

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).89-100

EDN SUWJCK

«Person of Interest» в российском уголовном судопроизводстве

Роман Васильевич Мазюк

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

marova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2088-5913>

АННОТАЦИЯ

Используемый в правоохранительной системе США термин «person of Interest» обозначает лицо, которое является объектом полицейского расследования, но которое не было признано следователем в качестве подозреваемого в совершении преступления. Процессуальное значение данной категории заключается в том, что такое лицо анализируется при помощи правовых и околоправовых средств (без разъяснения ему правил Миранды) на предмет его причастности к совершенному или готовящемуся преступлению, прежде чем в отношении него будет принято официальное решение о вовлечении его в том или ином статусе в производство по уголовному делу. Данный феномен, свойственный англо-саксонской системе права, имеет место и в российской правовой действительности. В отечественной научной литературе такое лицо предлагается именовать «заподозренным», «потенциальным подозреваемым», «лицом, представляющим оперативный интерес», «разрабатываемым лицом». Анализ решений Конституционного Суда РФ позволяет установить, что фигура заподозренного давно известна органу конституционного контроля, и в своей практике Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался по поводу возможности привлечения таким лицом к участию в оперативно-розыскных мероприятиях адвоката. Учитывая, что оперативно-розыскная деятельность используется для формирования доказательственной базы по значительному числу уголовных дел, следует констатировать интенсивное сближение уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности. В этой связи в структуру оперативно-розыскной деятельности необходимо законодательно внедрить элементы и гарантии правовой защищенности личности от незаконного и необоснованного оперативного преследования. Категория «person of Interest» должна получить в российском уголовном оперативно-процессуальном праве (которое пока не существует) свое официальное название и процессуальный статус. Как результат, автор предлагает дополнить Закон об оперативно-розыскной деятельности определениями понятий «заподозренный» и «оперативное преследование», а также закрепить перечень прав заподозренного лица при его участии в оперативно-розыскных мероприятиях, прежде всего – право пользоваться услугами адвоката.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

уголовное преследование, оперативное преследование, изблечение, оперативно-розыскная деятельность, заподозренный, право на адвоката

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мазюк Р.В. «Person of Interest» в российском уголовном судопроизводстве // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 1. С. 89–100. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).89-100. EDN SUWJCK

Original article

“Person of Interest” in Russian criminal proceedings

Roman V. Mazyuk

Baikal State University, Irkutsk, Russia

marova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2088-5913>

ABSTRACT

Used in the U.S. law enforcement system, the term “person of Interest” refers to a person who is the subject of a police investigation but who has not been recognized by an investigator as a suspect in a crime. The procedural significance of this category is that such person is analyzed with the use of legal and near-legal means (without explaining to him/her Miranda warnings) for the involvement in a committed or impending crime before a formal decision is made against him/her in order to involve him/her in a particular status in criminal proceedings. This phenomenon, characteristic of the Anglo-Saxon system of law, also takes place in Russian legal reality. In the domestic scientific literature, such person is proposed to be called “suspected”, “potential suspect”, “person of operational interest”, “person being investigated”. Analysis of the decisions

© Мазюк Р.В., 2023

of the Constitutional Court of the Russian Federation allows us to establish that the figure of the suspect has long been known to the body of constitutional review, and in its practice the Court has repeatedly expressed itself about the possibility of such person involving a lawyer in the operational-search activities. Given that operational-search activities are used to form an evidence base for a significant number of criminal cases, an intensive convergence of criminal proceedings and operational-search activities should be noted. In this regard, it is necessary to introduce legislatively elements and guarantees of legal protection of the person from illegal and unreasonable operational prosecution into the structure of operational-search activities. The category «person of interest» should receive its official name and procedural status in Russian criminal operational and procedural law (which does not yet exist). As a result, the author proposes to complete the Law on the Conduct of Operational-search Activities with definitions of the concepts of “suspected” and “operational prosecution”, as well as entrench the list of rights of the suspected person with his/her participation in operational-search activities, primarily the right to use the services of a lawyer.

KEYWORDS

criminal prosecution, operational prosecution, incrimination, operational-search activities, suspected, right to a lawyer

FOR CITATION

Mazyuk R.V. “Person of Interest” in Russian criminal proceedings. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2023;24(1):89–100. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).89-100. EDN SUWJCK

Введение

«Person of Interest» – термин, используемый в правовой системе США и обозначающий «лицо, которое является объектом полицейского расследования, но которое не было признано следователем в качестве подозреваемого в совершении преступления» [1, с. 3619]. Данный термин не является официальным и не закреплен в национальном законодательстве, однако активно используется как в теории, так и в практике американского уголовного судопроизводства¹. По смыслу данного понятия «лицо, представляющее интерес» для правоохранительных органов США, не обязательно в последующем приобретает процессуальный статус подозреваемого по уголовному делу; по результатам проверочных мероприятий оно может стать свидетелем или вообще не получить процессуальный статус участника производства по уголовному делу. Процессуальное значение данной категории заключается в том, что такое лицо анализируется полицией при помощи правовых и околоправовых средств на предмет его возможной причастности к совершенному или готовящемуся преступлению, прежде чем в отношении него будет принято официальное решение о вовлечении его в том или ином статусе в уголовное судопроизводство.

Д. Шоу в статье «Дилемма интересов: многие сотрудники правоохранительных органов теперь используют расплывчатый термин “лицо, представляющее интерес” для описания людей, вовлеченных в их расследования» отмечает, что

понятие «person of Interest» официально ничего не обозначает. Формально его никто никогда не определял – ни полиция, ни прокуратура, ни журналисты. Например, в «Руководстве для прокуроров США» (официальном руководстве по федеральному уголовному преследованию) используются термины «подозреваемый», «субъект», «объект» и «важный свидетель», но «лицо, представляющее интерес» не упоминается. Джим Коури, бывший офицер полиции Нью-Йорка, представитель Национальной ассоциации шефов полиции, полагает, что «лицо, представляющее интерес» часто является эвфемизмом² для «подозреваемого». По словам Коури, полиция иногда «пытается утверждать, что этот человек на самом деле не является подозреваемым», чтобы заставить его согласиться на опрос без предупреждения о правилах Миранды. Коури заявляет о том, что на всей территории США шефы полиции должны проинструктировать своих подчиненных, как использовать этот термин. Хотя Министерство юстиции США заявило, что не знает, кто придумал эту фразу, она стала широко использоваться после взрывов на Олимпийских играх в Атланте в июле 1996 года. ФБР раскрыло имя охранника Ричарда А. Джуэлла, который в течение почти трех месяцев был не-

¹ В 2011–2016 годах в США был популярен телевизионный сериал «Person of Interest», название которого на русский язык было переведено как «В поле зрения».

² Эвфемизм (греч. *Ευφροσύνη* – «благоречие») – нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений. В политике эвфемизмы часто используются для смягчения некоторых слов и выражений с целью введения общественности в заблуждение и фальсификации действительности (См.: Википедия : свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 02.02.2023)).

официальным, но главным подозреваемым по делу. В сентябре 2002 года сенатор Чак Грассли написал Генеральному прокурору США Джону Эшкрофту письмо с просьбой предоставить какие-либо указания или другие письменные материалы, определяющие «лицо, представляющее интерес», которое ФБР использовало для обозначения ученого Стивена Хэтфилла, заподозренного в почтовых рассылках сибирской язвы, в результате чего в конце 2001 года погибло пять человек. Министерство юстиции США спустя три месяца ответило: «Нет официального подхода, уровня стандарта доказывания, процедуры или формального определения термина «лицо, представляющее интерес». Следует отметить, что Хэтфилл подал в суд на Министерство юстиции США, Эшкрофта и ФБР, утверждая, что они нарушили его конституционные права, публично обвиняя его, но «не называя официально подозреваемым». Хэтфилл утверждал, что правительство незаконно лишило его возможности зарабатывать на жизнь, предоставив в СМИ ложную информацию о нем, чтобы отвлечь внимание общественности от того факта, что правительство не смогло раскрыть преступление [2, с. 57–58].

В этой связи Эрих Лихтблау отмечает, что, по мнению ученых-правоведов, при помощи данного термина «силовые ведомства пытаются облагородить свой общественный имидж на фоне усиления их полномочий, ограничивающих права граждан» [3, с. 2].

Данный феномен, свойственный англосаксонской системе права, как представляется, имеет место и в российской правовой действительности. С английского языка категорию «person of Interest» на русский дословно перевести проблематично, буквальный перевод данного понятия должен выглядеть следующим образом: «лицо интереса» или «интересное лицо». В отечественной научной литературе по уголовно-процессуальному праву такие словосочетания не встречаются, а близкими по смыслу терминами, используемыми учеными-процессуалистами применительно к разным стадиям уголовного судопроизводства, являются: «заподозренный» [4, с. 73–75], «потенциальный подозреваемый» [5, с. 4], «скрытый подозреваемый» [6, с. 90], «лицо, в отношении которого имеется подозрение в совершении преступления» [7, с. 169], «уголовно преследуемое лицо» [8, с. 19], «свидетель под подозрением» [9, с. 24], «лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами,

свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица»³. Кроме того, в оперативно-розыскной деятельности используются такие понятия, как «лицо, представляющее оперативный интерес» [10, с. 158], «лицо (объект) оперативной заинтересованности», «лицо (объект) оперативного интереса», «фигурант», «разрабатываемое лицо» [11, с. 178].

В любом случае очевидно, что в российском правоприменении существует лицо, которое, не обладая официальным правовым статусом в рамках конкретной отрасли права, является объектом интереса уполномоченных должностных лиц государства как потенциальный (возможный) участник соответствующих правоотношений в будущем. В этой связи возникает вопрос: насколько фактическое и формально-юридическое положение такого лица в рамках обозначенной деятельности является уязвимым для воздействия на конституционные и иные права и свободы такой личности и, в частности, насколько такая личность должна иметь возможность защищаться правовыми средствами от возможного изобличения в совершении преступления до начала официальной уголовно-процессуальной деятельности в отношении него?

Обоснование проблемы

Можно выделить три уровня взаимодействия личности и государства, в рамках которых лицо может представлять интерес для должностных лиц правоохранительных органов в связи с совершенным или готовящимся преступлением:

1. В рамках оперативно-розыскной деятельности, предшествующей проверке сообщения о преступлении.

2. В рамках проверки сообщения о преступлении.

3. В рамках производства по уголовному делу за пределами официального уголовного преследования.

В настоящей статье, в связи с ограниченностью ее объема, рассмотрено взаимодействие личности и государства на уровне оперативно-розыскной деятельности, в том числе в рамках проверки сообщения о преступлении, когда лицо попадает в поле зрения оперативных подраз-

³ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

делений и происходит первое «прикосновение» к нему со стороны оперативных сотрудников.

Несмотря на то, что оперативно-розыскная деятельность является самостоятельной отраслью права, субъекты и задачи которой отличаются от уголовного судопроизводства, она является предшествующей и содействующей уголовному судопроизводству в целях уголовного преследования и назначения виновным справедливого наказания. Непосредственная взаимосвязь оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства в рассматриваемом аспекте заключается в том, что лицо, в отношении которого первоначально имеется оперативный интерес, является потенциальным подозреваемым, обвиняемым и осужденным по будущему уголовному делу. Обладая в целом общими методами познания, заложенными в основу оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство в максимальной степени способны ограничивать конституционные права и свободы личности и влиять на правовую определенность ее положения в правоотношениях с органами государственной власти.

В теории оперативно-розыскной деятельности лицо, в отношении которого имеется оперативный интерес, может являться проверяемым, разрабатываемым, находящимся под оперативным контролем (наблюдением) или разыскиваемым. Во всех случаях им является определенный человек, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия в рамках дела оперативного учета (проверки, разработки, контроля и розыска) [11, с. 179].

Например, оперативное наблюдение выполняется как незаметно для лица, представляющего оперативный интерес, так и в процессе общения с ним. Всегда следует учитывать, что интеллектуальные, волевые и эмоциональные процессы в общении проходят у человека иначе, чем вне общения. Известно, что человек наедине с самим собой держит себя иначе, чем при общении с людьми. Даже в процессе общения поведение человека может быть различным. Для этого человек должен наблюдаться в разных сферах, в различных системах общения [12, с. 193].

Спецификой обладают оперативно-розыскные мероприятия по выявлению налоговых преступлений, такие как: предварительный сбор, накопление и систематизация сведений о лицах, представляющих оперативный интерес, и фактических сведений, указывающих на различные признаки скрытой противоправной деятельно-

сти. Оперативными сотрудниками выделяются следующие признаки, свидетельствующие о совершении юридическими лицами преступных посягательств в сфере налогообложения: отсутствие персонала или средств для осуществления хозяйственных операций, а также экономического смысла при их проведении; использование без явной необходимости посредников при осуществлении хозяйственных операций; несоответствие заработной платы сотрудников их квалификации; уменьшение налоговой нагрузки при одновременном увеличении выручки; положительная разница между заемными средствами и выручкой [13, с. 56].

В соответствии со статьей 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴ (далее – Закон об ОРД) оперативно-розыскные мероприятия для лица, в отношении которого имеется оперативный интерес, могут производиться гласно или негласно.

Лицо, являющееся объектом оперативного интереса, в теории и практике оперативно-розыскной деятельности также именуется «проверяемый», «разрабатываемый», «заподозренный». Следует отметить, что понятие «заподозренный» в совершении преступления используется в решениях Конституционного Суда РФ⁵.

Данное понятие также предусматривается проектом Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации⁶, согласно части 1 статьи 36 которого при доставлении лица, обоснованно заподозренного в подготовке или совершении преступления, установленного в ходе проведения оперативного эксперимента, оперативной закупки, оперативного внедрения, контролируемой поставки, оперативного осмотра либо оператив-

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : Определение Конституционного Суда РФ от 20 дек. 2005 N 473-О // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был; По жалобе гражданина Козлова Дмитрия Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, пунктом 1 части второй статьи 75, частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : Определение Конституционного Суда РФ от 15 нояб. 2007 г. № 924-О-О // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

⁶ Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : проект Федерального закона № 831609-6, внесенного депутатом Государственной Думы А.А. Агеевым 06 июля 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

ного наблюдения оно может быть задержано на срок не более трех часов, если это необходимо для составления протокола оперативно-разыскного мероприятия, обеспечения рассмотрения материалов о подготовке или совершении преступлений, установления причастности к ним задержанного, а также установления его личности.

В уголовно-процессуальном праве фигура «заподозренного» в совершении преступления представляет научный интерес с точки зрения функции обвинения и осуществляемого в рамках нее уголовного преследования. Исходя из легального определения уголовного преследования как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (пункт 55 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁷ (далее – УПК РФ), традиционной является точка зрения о том, что уголовное преследование лица начинается осуществляться с момента возникновения у него процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого. Однако принимая во внимание, что ключевым понятием в указанном определении является термин «изобличение», можно утверждать, что фактически изобличение лица в совершении преступления начинается осуществляться еще до появления у него процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого, в том числе до возбуждения уголовного дела [14, с. 37]. Так, если в ходе оперативного эксперимента, проводимого до возбуждения уголовного дела, будут получены результаты, изобличающие лицо в совершении преступления, то в последующем они могут быть легализованы в качестве доказательств по возбужденному уголовному делу и использоваться для уголовного преследования данного лица в качестве подозреваемого, обвиняемого. По мнению М.Р. Глушкова, например, «оперативно-розыскные мероприятия представляют собой не что иное, как элемент уголовного преследования» [15, с. 4].

На наш взгляд, термином «уголовное преследование» некорректно именовать любую деятельность государственных органов и должностных лиц, направленную на изобличение лица в совершении преступления. Очевидно, что у термина «уголовное преследование» должен быть только один, узкий, смысл, каковым его наделил законодатель в дефиниции, предусмотренной пунктом 55 статьи 5 УПК РФ, пред-

полагающий доказательственную деятельность в отношении лица, которое обладает процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого. Именно в этом смысле указанное понятие используется в УПК РФ для отграничения прекращения уголовного преследования от прекращения уголовного дела.

Между тем при правовой регламентации принципа разумного срока уголовного судопроизводства законодатель использовал широкий подход к пониманию уголовного преследования. Так, часть 3 статьи 6.1 УПК РФ в редакции Федерального закона от 30 декабря 2015 года № 440-ФЗ предусматривала, что разумный срок уголовного судопроизводства включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования, при этом часть 3.1 статьи 6.1 УПК РФ закрепляет правила определения разумного срока досудебного производства по уголовному делу со дня подачи заявления, сообщения о преступлении. Системное толкование указанных норм позволяет сделать вывод о том, что в аспекте принципа разумного срока уголовного судопроизводства уголовное преследование в широком смысле включает в себя проверку сообщения о преступлении.

В последующем законодатель внес изменения в формулировку части 3 статьи 6.1 УПК РФ, и в действующей редакции указанная норма разграничивает начальный момент разумного срока досудебного производства по уголовному делу для лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование (со дня начала его осуществления), и для потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред (со дня подачи заявления, сообщения о преступлении) (в редакции Федерального закона от 31 июля 2020 года № 243-ФЗ).

Очевидно, что таким образом законодатель попытался юридико-технически придать единообразию пониманию термина «уголовное преследование» и начального момента его осуществления в пункте 55 статьи 5 и части 3 статьи 6.1 УПК РФ. Вместе с тем возникает вопрос: с таким подходом разумный срок уголовного судопроизводства является единым, как это изначально предполагалось на основании частей 1 и 2 статьи 6.1 УПК РФ, или у различных участников производства по уголовному делу свой, собственный, разумный срок уголовного судопроизводства? Значение вопроса не ограничивается принципом разумного срока уголовного судопроизводства. По своей сути этот вопрос затрагивает принцип состяза-

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

тельности сторон, который носит более общий характер. Почему в ходе проверки сообщения о преступлении законодатель признает реальный процессуальный статус потерпевшего (а точнее — еще пострадавшего или заявителя), нормативно закрепляя его право на разумный срок уголовного судопроизводства, а аналогичное право лица, которое подвергается фактическому изобличению на данной стадии, игнорирует?

Приведенные размышления вовсе не являются призывом к тому, чтобы уголовное преследование понимать в максимально широком смысле, включив в него проверку сообщения о преступлении. У уголовно-процессуальной терминологии, действительно, должно быть единообразное значение во всех стадиях уголовного судопроизводства. Между тем нельзя не признавать того, что в рамках проверки сообщения о преступлении, а также еще до ее начала — в ходе оперативно-розыскной деятельности — имеет место фактическое изобличение лица в совершении преступления посредством проведения в отношении него ряда оперативно-розыскных мероприятий, что позволяет предлагать введение в научный оборот понятия «оперативное преследование», которое, соответственно, требует нормативного закрепления правовых гарантий защиты от него.

Пути решения проблемы

Как отмечается в Определении Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2018 года № 2217-О, пункт 6 части 3 статьи 49 УПК РФ прямо предусматривает, что защитник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ. При этом данное законоположение не регламентирует вопросы оказания юридической помощи при производстве оперативно-розыскных мероприятий⁸.

Обозначенная проблема не является новой для теории и практики уголовно-процессуального права. Отдельные аспекты реализации лицом права на защиту от оперативно-розыскной деятельности были предметом конституционно-

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макаренко Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 27 сент. 2018 г. № 2217-О // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

го контроля еще до вступления в силу УПК РФ. Конституционный Суд РФ в Определении от 14 июля 1998 года № 86-О частично признал за разрабатываемым в рамках оперативно-розыскной деятельности лицом права на защиту: с одной стороны, такое лицо не может обжаловать судебное решение о проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении него, поскольку они носят негласный характер; с другой стороны, если лицо, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия, узнало об этом и полагает, что его права и законные интересы ущемлены, то оно имеет право на обжалование и судебную защиту, пользоваться услугами адвоката или иной квалифицированной юридической помощью⁹.

В этой связи представляет интерес особое мнение, высказанное по данному решению Конституционного Суда РФ судьей А.Л. Кононовым: «Категорически нельзя согласиться с выводом Конституционного Суда о том, что проведение оперативно-розыскных мероприятий само по себе не нарушает прав человека и допустимо уже потому, что преследует цели борьбы с преступлением, которое, дескать, не является сферой частной жизни. Это противоречит всем представлениям о презумпции невиновности. Учитывая, что эта сфера деятельности в той части, которая затрагивает права и интересы отдельных лиц, является вспомогательной, подчиненной задачам пресечения преступности и рассмотрения уголовных дел, процедурные гарантии судебной защиты здесь не могут быть меньшими, чем в уголовном процессе¹⁰.

В других своих решениях Конституционный Суд РФ указывал на то, что конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным, когда управомоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются его свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения (постановление от

⁹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой : Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О // Собрание законодательства РФ. 1998. № 34. Ст. 4368.

¹⁰ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой // Собрание законодательства РФ. 1998. № 34. Ст. 4368.

27 июня 2000 года № 11-П). Данное право гарантируется любому лицу, в отношении которого осуществляется деятельность, направленная на выявление фактов и обстоятельств, уличающих его в подготовке или совершении преступления, а значит, лицу, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия в связи с подозрением его в причастности к подготовке или совершению преступления, должна предоставляться возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката (защитника), если таковая, как это следует из правовой позиции, выраженной Конституционным Судом РФ в вышеупомянутом Определении от 14 июля 1998 года № 86-О, не исключается необходимостью обеспечения режима секретности, соблюдения требований оперативности и конфиденциальности (Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 года № 327-О)¹¹.

Возможность частичной защиты от оперативного преследования предусмотрена Законом об ОРД, а именно часть 3 статьи 5 предусматривает право лица, полагающего, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокурору или в суд.

Но, как полагают специалисты в области оперативно-розыскной деятельности, такая форма защиты является малоэффективной.

Ю.П. Гармаев и О.В. Викулов рассматривают ситуацию, когда негласное оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ) перешло в фазу гласного (например, в ходе оперативного эксперимента факт передачи взятки разрабатываемому лицу был зафиксирован, и оно было в оперативном порядке задержано), в связи с чем у заподозренного лица возникает очевидное желание уже на данном этапе воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката. Проблема заключается в том, что у задержанного заподозренного реальная возможность приглашения адвоката, как правило, отсутствует, так как у него изъят сотовый телефон и ограничена возможность общения с иными лицами. Однако

если каким-либо образом (благодаря коллегам или родственникам) информация о факте производства ОРМ в отношении разрабатываемого лица становится известна знакомому адвокату, то при удачном стечении обстоятельств такой адвокат может явиться на место проведения ОРМ до его окончания. Как отмечают Ю.П. Гармаев и О.В. Викулов, в таких ситуациях оперативные сотрудники чаще всего не допускают явившегося на место ОРМ адвоката к участию в нем, физически не впуская адвоката в помещение, где оно проводится. При этом попытки адвоката насильно проникнуть в помещение, где проводится ОРМ, могут стать основанием для возбуждения в отношении него уголовного дела по статье 318 Уголовного кодекса Российской Федерации¹² (далее – УК РФ). По мнению авторов, единственной рекомендацией в данном случае является видеофиксация факта недопуска адвоката к доверителю для оказания правовой помощи в рамках проводимого ОРМ с последующим обжалованием действий оперативных сотрудников в порядке, предусмотренном статьей 5 Закона об ОРД. Вместе с тем Ю.П. Гармаев и О.В. Викулов полагают, что в удовлетворении такой жалобы прокурором или судом будет отказано, поскольку действия оперативных сотрудников напрямую не нарушают положения Закона об ОРД [16, с. 28]. Аналогичного мнения придерживается В.А. Семенов: «Отсутствие в базовом законе «Об оперативно-розыскной деятельности» прямого указания на необходимость предоставления лицу, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия, права воспользоваться квалифицированной юридической помощью, довольно часто приводит к отказу в допуске адвоката к участию в них» [17, с. 126].

Другой, не менее распространенной ситуацией на практике, когда у заподозренного лица возникает желание воспользоваться помощью адвоката, является его опрос оперативным сотрудником. Конституционным Судом РФ также была высказана правовая позиция по данному вопросу, когда «выступающее в официальном качестве должностное лицо в ходе оперативно-розыскного мероприятия, осуществляемого в отношении гражданина, чьи конституционные права на свободу, личную неприкосновенность и свободу передвижения реально ограничены путем административного задержания, проводит его опрос, направленный на выявление фактов и обстоя-

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также пунктом 15 статьи 5, частью третьей статьи 46 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 1419-О // СПС «Консультант-Плюс». Документ опубликован не был.

¹² Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

тельств, уличающих данного гражданина в совершении преступления, тем более если он делает заявление о совершенном им преступлении. С этого момента в отношении него подлежат непосредственному действию нормы Конституции РФ¹³, обеспечивающие в том числе предоставление квалифицированной юридической помощи (статья 48) и право не свидетельствовать против себя самого (статья 51, часть 1)¹⁴. Кроме того, как в этой связи отмечает В.А. Лазарева, «объяснение (протокол опроса) этого лица в отсутствие адвоката не может рассматриваться в качестве допустимого доказательства» [18, с. 163].

М.Р. Глушков в свою очередь справедливо обращает внимание на то, что гарантированное частью 1 статьи 48 Конституции РФ право на квалифицированную юридическую помощь не только должно реализовываться в ходе ОРМ, если адвокат фактически явился на место его проведения, но оно должно и разъясняться оперативными сотрудниками, проводящими ОРМ, заподозренному лицу. Как отмечает автор, «только задержанному может быть известно лицо, которое он в сложившейся ситуации рассматривает как своего потенциального адвоката. Поэтому право на получение квалифицированной юридической помощи, предусмотренное ч 2 ст. 48 Конституции РФ, должно быть разъяснено гражданину вне зависимости от того, насколько вероятна его реализация в данных условиях. Если при этом незамедлительная явка адвоката невозможна, а ситуация не терпит отлагательства, то оперуполномоченный проводит ОРМ в отсутствие адвоката» [15, с. 5].

Вместе с тем, как верно отмечает В.А. Семенов, «непредоставление лицу, в отношении которого осуществляются оперативно-розыскные мероприятия, права воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката вовсе не означает того, что ОРМ не могут проводиться без его участия» [17, с. 126].

Таким образом, в настоящее время очевидна необходимость нормативного закрепления в Законе об ОРД права заподозренного лица пользоваться услугами адвоката. Десять лет прошло с тех

пор, как аналогичное право было закреплено в части 1.1 статьи 144 УПК РФ для участников проверки сообщения о преступлении. Думается, что данное право в Законе об ОРД является неизбежным эволюционным этапом развития уголовного оперативно-процессуального законодательства.

Выводы

Подводя итог всему вышеизложенному, нельзя не отметить, что оперативно-розыскная деятельность в Российской Федерации в силу своей секретности была и остается наименее доступной для изучения специалистами в области уголовного-процессуального права и для понимания лицами, которые попадают в поле зрения оперативных сотрудников. Положение личности в отношениях с оперативными сотрудниками является более уязвимым с правовой точки зрения, чем в отношениях с органами и должностными лицами уголовного судопроизводства. А учитывая, что оперативно-розыскная деятельность используется для формирования доказательственной базы по значительному числу уголовных дел, следует констатировать интенсивное сближение оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства.

Это должно стимулировать ученых-процессуалистов к целенаправленному поиску общепризнанных подходов к комплексному урегулированию правового положения личности на грани двух отраслей права – оперативно-розыскного и уголовного-процессуального. Как отмечается в научной литературе, «в настоящее время полноценная теоретическая скоординированность уголовного-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в части использования результатов последней в доказывании по уголовным делам, не существует... Поэтапное исключение применения ОРД и ее результатов из внутриведомственного регулирования, а также сознательное придание такой деятельности законодательного характера на уровне уголовного-процессуального закона, сказывается необходимостью обеспечения и защиты прав человека» [19, с. 16].

Нормативно урегулированное правовое положение личности как объекта оперативного интереса является элементом его конституционно-правового статуса, поскольку оперативно-розыскная деятельность непосредственным образом затрагивает и ограничивает конституционные права личности. Игнорирование данной проблемы, по сути, является признаком ограниченной законности в последующем уголовном

¹³ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 04 июля.

¹⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. 473-О // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

преследовании такой личности в рамках возбужденного уголовного дела. Нарушения конституционных прав личности в рамках ее оперативной разработки, прежде всего права на квалифицированную юридическую помощь, может поставить под сомнение не только допустимость полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий доказательств, но и законность решения о возбуждении уголовного дела как такового.

Думается, что в структуру оперативно-розыскной деятельности законодательно должны внедряться элементы и гарантии правовой защищенности личности от незаконного и необоснованного оперативного преследования. Это не означает кардинального реформирования оперативно-розыскной деятельности, придания ей гласного характера. Такое вмешательство в архитектуру оперативно-розыскной деятельности должно быть точечным и последовательным. Поскольку состязательность сторон, хоть и в небольшой мере, свойственна уголовному преследованию, она, возможно, в еще меньшей мере, должна быть свойственна и оперативному преследованию. Конечно, нельзя не признать тот факт, что использование результатов оперативно-розыскной деятельности — это «верхушка айсберга» в многоуровневой системе предупреждения и пресечения преступлений. И предложения по внедрению многих принципов уголовного судопроизводства в оперативно-розыскную деятельность способны больше ей навредить и снизить эффективность борьбы с преступностью, нежели повысить уровень защищенности прав и свобод личности в государстве.

Но, как представляется, категория «person of Interest» должна получить в российском уголовном оперативно-процессуальном законодательстве (которое пока не существует) свое официальное название и процессуальный статус. В этой связи понятие «заподозренный», пожалуй, является тем, которое наиболее активно используется и в теории, и в практике уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности. В научной литературе неоднократно предлагалось законодательно урегулировать процессуальное положение заподозренного, но авторы ограничивались регламентацией его процессуального положения исключительно в стадии возбуждения уголовного дела [20, с. 64–65; 21, с. 1479].

Поскольку законодатель, как уже отмечалось, использовал данное понятие в проекте Оперативно-розыскного кодекса, предлагается его внедрение не в уголовно-процессуальное, а именно в оперативно-розыскное законодатель-

ство, что создаст диалектическую взаимосвязь между указанными отраслями права. Нельзя не отметить, что предложение о нормативной регламентации права на адвоката (квалифицированную юридическую помощь) в оперативно-розыскной деятельности уже высказывались Ю.Б. Чупилкиным [22, с. 39], В.А. Гусевым [23, с. 47], Е.В. Герасименко [24, с. 56–57], однако все они носили концептуальный характер и не содержали конкретных формулировок, которые могли бы войти в текст Закона об ОРД.

Поэтому, до принятия Оперативно-розыскного кодекса, предлагается внести дополнения в Закон об ОРД в части регламентации правового статуса заподозренного, а именно:

1. Дополнить Закон об ОРД статьей 1.1 «Основные понятия, используемые в настоящем законе», включив в нее следующие пункты:

1) заподозренный — лицо, подвергнутое оперативному преследованию в связи с возможной причастностью к подготавливаемому, совершаемому или совершенному преступлению¹⁵;

2) оперативное преследование — гласная и негласная деятельность, осуществляемая оперативными подразделениями государственных органов посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях установления возможной причастности заподозренного к подготавливаемому, совершаемому или совершенному преступлению.

2. Дополнить Закон об ОРД статьей 5.1 «Заподозренный», включив в нее права заподозренного:

1) знать, в чем он заподозрен;

2) отказаться от дачи объяснений в ходе оперативно-розыскных мероприятий;

3) пользоваться услугами адвоката в ходе гласных, а также в гласной фазе негласных оперативно-розыскных мероприятий;

4) по окончании оперативного преследования знакомиться с полученными в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий материалами, за исключением содержащих государственную тайну;

5) обжаловать действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, если они привели к нарушению его прав и свобод.

¹⁵ Поскольку категория «причастность» является уголовно-процессуальной, в Закон об ОРД предлагается ввести понятие «возможная причастность» лица к подготавливаемому, совершаемому или совершенному преступлению. Таким образом, целью оперативно-розыскной деятельностью является установление возможной причастности лица к преступлению, а целью уголовно-процессуальной деятельности — доказывание причастности лица к совершению преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Black's Law Dictionary / ed. B.A. Garner. – 8th ed. – Eagan : West (Thomson Reuters), 2009. – 5426 p.
2. Shaw D. Dilemma of interest: many law enforcement officials now use the vague term “person of interest” to describe people caught up in their investigations / D. Shaw // *American Journalism Review*. – 2006. – Vol. 28, no. 1. – P. 56–62.
3. Lichtblau E. Words as Tactics in War on Terror / E. Lichtblau // *New York Times*. – 2003. – Sept. 14. – P. 2.
4. Смолькова И.В. Нужна ли фигура «заподозренного» в уголовном судопроизводстве? / И.В. Смолькова. – DOI 10.24411/2312-3184-2019-00030. – EDN WOKMPB // *Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России*. – 2019. – № 3 (90). – С. 70–77.
5. Николюк В.В. Участие адвоката на первоначальной стадии уголовного процесса / В.В. Николюк, П.Г. Марфицин. – EDN TRQCCX // *Российский следователь*. – 2016. – № 9. – С. 3–5.
6. Метёлкин А.В. К вопросу о правовом статусе «скрытого» подозреваемого / А.В. Метёлкин. – EDN THBESZ // *Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович*. – Томск, 2014. – Ч. 63. – С. 89–94.
7. Митькова Ю.С. Проблемы определения правового положения отдельных участников стадии возбуждения уголовного дела / Ю.С. Митькова, В.Б. Вехов. – DOI 10.25724/VAMVD.LFGH. – EDN GNIAHV // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. – 2019. – № 4 (51). – С. 168–175.
8. Федорова И.А. Регулирование процессуального статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела / И.А. Федорова. – EDN YAAWCT // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. – 2018. – № 3. – С. 17–19.
9. Бояринцев А.А. К вопросу о правовом положении свидетеля, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование / А.А. Бояринцев. – DOI 10.18572/1812-3783-2020-12-23-26. – EDN GOUFYN // *Российский следователь*. – 2020. – № 12. – С. 23–26.
10. Быков А.В. Личность как объект оперативно-розыскной криминологии / А.В. Быков, С.С. Зенин, О.В. Кудряшов. – DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(2).157-164. – EDN LXHEQX // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 157–164.
11. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / под ред. С.Н. Емельянова. – Владимир : Изд-во ВЮИ ФСИН России, 2010. – 344 с.
12. Скляр В.К. Объект оперативно-розыскного наблюдения как элемент структуры оперативно-розыскного мероприятия / В.К. Скляр // *Совершенствование деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью и коррупцией : респ. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Минск, 4 июня 2021 г. : тез. докл. / отв. ред. А.Н. Тукало*. – Минск, 2021. – С. 190–193.
13. Гриб Д.В. Типичные оперативно-розыскные ситуации, возникающие при выявлении преступлений в сфере налогообложения / Д.В. Гриб // *Совершенствование деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью и коррупцией : респ. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Минск, 4 июня 2021 г. : тез. докл. / отв. ред. А.Н. Тукало*. – Минск, 2021, 2021. – С. 55–57.
14. Зеленская Т.В. Актуальные вопросы обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении / Т.В. Зеленская. – EDN PHJHOH // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. – 2019. – № 3 (25). – С. 35–43.
15. Глушков М.Р. К вопросу об участии адвоката в гласных ОРМ / М.Р. Глушков. – EDN TSGFON // *Адвокатская практика*. – 2015. – № 3. – С. 3–6.
16. Гармаев Ю. Проект «Беседы об оперативно-розыскной деятельности» на YouTube-канале научной школы профессора Ю. Гармаева : стенограммы / Ю. Гармаев. – Москва : ЛитРес, 2021. – Ч. 1. – 270 с.
17. Семенов В.А. И вновь к вопросу об оказании квалифицированной юридической помощи адвокатом в оперативно-розыскной деятельности / В.А. Семенов. – DOI 10.31429/20785836-14-3-123-131. – EDN KQUUEO // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. – 2022. – № 3. – С. 123–131.
18. Лазарева В.А. Проблемы обеспечения прав лиц, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия, как условие допустимости использования полученных результатов в качестве доказательств по уголовному делу / В.А. Лазарева. – EDN NBRURQ // *Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 3 нояб. 2011 г. / сост. К.Б. Калиновский*. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 155–165.
19. Вытовтов А.Е. Уголовно-процессуальная политика и использование информации, полученной при проведении оперативно-розыскных мероприятий / А.Е. Вытовтов. – DOI 10.17150/2411-6262.2020.11(1).15. – EDN NYEJXQ // *Baikal Research Journal*. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 16. – URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=23536>.
20. Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела / А.А. Давлетов. – EDN UHUXAJ // *Российский юридический журнал*. – 2015. – № 4 (103). – С. 61–67.
21. Сопнева Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения / Е.В. Сопнева. – EDN TFWWBZ // *Актуальные проблемы российского права*. – 2014. – № 7 (44). – С. 1474–1480.
22. Чупилкин Ю.Б. Участие адвоката в оперативно-розыскных мероприятиях / Ю.Б. Чупилкин. – EDN LWYAMP // *Уголовный процесс*. – 2018. – № 6 (162). – С. 32–40.

23. Гусев В.А. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи в сфере оперативно-розыскной деятельности / В.А. Гусев, Е.Г. Ларин. — DOI 10.35750/2071-8284-2021-4-42-48. — EDN MUUMQO // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 4 (92). — С. 42–48.

24. Герасименко Е.В. Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь адвоката при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий / Е.В. Герасименко. — DOI 10.24411/1999-625X-2022-184-53-57. — EDN QBICRV // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2022. — Т. 28, № 1 (84). — С. 53–57.

REFERENCES

1. Garner B.A. (ed.). *Black's Law Dictionary*. 8th ed. Eagan, West (Thomson Reuters), 2009. 5426 p.
2. Shaw D. Dilemma of Interest: Many Law Enforcement Officials Now Use the Vague Term “Person of Interest” to Describe People Caught up in Their Investigations. *American Journalism Review*, 2006, vol. 28, no. 1, pp. 56–62.
3. Lichtblau E. Words as Tactics in War on Terror. *New York Times*, 2003, September 14, pp. 2.
4. Smolkova I.V. Is the Figure «Suspected» in Criminal Proceedings Needed? *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2019, no. 3, pp. 70–77. (In Russian). EDN: WOKMPB. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00030.
5. Nikolyuk V.V., Marfitsin P.G. Participation of the Advokat at the Primary Stage of Criminal Procedure. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2016, no. 9, pp. 3–5. (In Russian). EDN: TRQCCX.
6. Metelkin A.V. On the legal status of the “hidden” suspect. In Sviridov M.K., Yakimovich Yu.K. (eds). *Legal problems of strengthening Russian statehood*. Tomsk, 2014, pt. 63, pp. 89–94. (In Russian). EDN: THBESZ.
7. Mitkova I.S., Vekhov V.B. Problems of Determining a Legal Status of Certain Participants of the Stage of Initiating a Criminal Case. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2019, no. 4, pp. 168–175. (In Russian). EDN: GNIAHB. DOI: 10.25724/VAMVD.LFGH.
8. Fedorova I.A. Regulation of the Procedural Status of a Criminal Prosecuted Person at the Stage of Initiation of Criminal Proceedings. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 3, pp. 17–19. (in Russian). EDN: YAAWCT.
9. Boyarintsev A.A. On the Legal Position of a Witness Undergoing a Public Criminal Prosecution Process. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2020, no. 12, pp. 23–26. (In Russian). EDN: GOUFYN. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-12-23-26.
10. Bykov A.V., Zenin S.S., Kudryashov O.V. Personality as an Object of Investigative Criminology. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 157–164. (In Russian). EDN: LXHEQX. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).157-164.
11. Emelyanov S.N. (ed.). *Fundamentals of operational and search activity*. Vladimir State Legal Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., 2010. 344 p.
12. Sklyar V.K. The object of operational-search surveillance as an element of the structure of the operational-search activity. In Tukalo A.N. (ed.). *Improving the activities of law enforcement agencies in the sphere of combating crime and corruption. Republican Scientific and Practical Conference with International Participation, Minsk, July 4, 2021*. Minsk, 2021, pp. 190–193. (In Russian).
13. Grib D.V. Typical operational-search situations that arise when detecting crimes in the field of taxation. In Tukalo A.N. (ed.). *Improving the activities of law enforcement agencies in the sphere of combating crime and corruption. Republican Scientific and Practical Conference with International Participation, Minsk, July 4, 2021*. Minsk, 2021, pp. 55–57. (In Russian).
14. Zelenskaya T.V. Topical Issues of Protecting the Rights and Interests of People Involved in Procedural Actions when Verifying a Report on Crime. *Sibirskie ugovovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2019, no. 3, pp. 35–43. (In Russian). EDN: PHJHOH.
15. Glushkov M.R. On the Issue of Participation of an Advokat in Public-Disclosed Operational-Search Measures. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2015, no. 3, pp. 3–6. (In Russian). EDN: TSGFOH.
16. Garmaev Yu. *The project «Conversations about operational-search activities» on the YouTube channel of the scientific school of Professor Yu. Garmaev*. Moscow, LitRes Publ., 2021. Pt. 1. 270 p.
17. Sementsov V.A. And Again to the Question of Rendering Qualified Legal Assistance a Lawyer in Operational Investigative Activities. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2022, no. 3, pp. 123–131. (In Russian). EDN: KQUUEO. DOI: 10.31429/20785836-14-3-123-131.
18. Lazareva V.A. Problems of ensuring the rights of persons against whom operational search measures are carried out, as a condition for the admissibility of using the results obtained as evidence in a criminal case. In Kalinovskii K.B. (ed.). *Constitutional legal problems of operational-search activities. Collection of Materials of the All-Russian Round Table, Saint Petersburg, November 3, 2011*. Saint Petersburg, 2012, pp. 155–165. (In Russian). EDN: NBRURQ.
19. Vytovtov A.Ye. Criminal Procedure Policy and Use of Information Obtained when Performing Investigative Measures. *Baikal Research Journal*, vol. 11, no. 1, pp. 16. (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(1).15. EDN: NYEXJQ.
20. Davletov A.A. The Problem of Defining a Status of Criminally Prosecuted Person in the Stage of Institution of a Criminal Case. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2015, no. 4, pp. 61–67. (In Russian). EDN: UHUXAJ.

21. Sopneva E.V. Suspected as a Way to Express Apprehension. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2014, no. 7, pp. 1474–1480. (In Russian). EDN: TFWWBZ.

22. Chupilkin Yu.B. Participation of Advocate in Operational-Search Activities. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2018, no. 6, pp. 32–40. (In Russian). EDN: LWYAMP.

23. Gusev V.A., Larin E.G. Constitutional Right to Receive Qualified Legal Assistance in Operational Investigative Activities. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*, 2021, no. 4, pp. 42–48. (In Russian). EDN: MUUMQO. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-4-42-48.

24. Gerasimenko E.V. Providing the Right to Qualified Legal Assistance during overt Crime Detection Activities. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 53–57. (In Russian). EDN: QBICRV. DOI: 10.24411/1999-625X-2022-184-53-57.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Васильевич Мазюк – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11; Researcher ID ABI-1516-2020

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Roman V. Mazyuk – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Process and Prosecutor's Supervision of the Institute of Justice. Baikal State University. 664003, Russia, Irkutsk, st. Lenin, 11; Researcher ID ABI-1516-2020

Поступила в редакцию / Received 26.01.2023

Доработана после рецензирования / Revised 13.02.2023

Принята к публикации / Accepted 16.03.2023